

Учет фактора невежества в лингвокриминальных текстах

А. В. Флоря

*Россий Орский гуманитарно-технологический институт (филиал) Оренбургского государственного университета
пр. Мира, 15а, 462404, Орск, Россия. E-mail: alcestofilint@mail.ru*

Статья посвящена проблеме невежества и возникающего вследствие этого непонимания в текстах, являющихся объектами юрислингвистической экспертизы. Авторы лингвокриминальных текстов могут использовать устойчивые речевые формулировки, ставшие мемами, но бывает трудно определить, являются ли они настоящими цитатами. Непонимание слов и фразеологизмов часто объясняется тем, что говорящие сильно оторвались от советской действительности, в том числе советских культурных реалий. Советским людям они были понятны если не из собственного опыта, то из произведений литературы и искусства (спектаклей или фильмов). Автор может осознавать цитату, но не знать ее происхождения и реального значения. В таких случаях необходим тщательный контекстуальный анализ высказывания. Кроме того, эксперт должен учитывать лингвистические факторы: во-первых, воспроизводится некая цитата в стандартизированной или в свободной форме, во-вторых, жестко или свободно данная фраза задается по правилам синтаксиса. Семантика отдельных слов может быть понята только после обращения к словарям, но не может быть уверенности, что так поступал автор текста. Многие слова полисемантичны, и не всегда их подлинный смысл проявляется в контексте.

Ключевые слова: юрислингвистика, этнофолизм, оскорбление, лозунг.

Considering the Factor of Ignorance in Linguo-Criminal Texts

A. V. Florya

*Orsk Humanitarian-Technological Institute (branch of) Orenburg State University
15 a Mira St., 462404, Orsk, Orenburg region, Russia. E-mail: alcestofilint@mail.ru*

The article considers the problem of ignorance and resulting misunderstanding in texts that are the objects of forensic linguistic expertise. The authors of linguo-criminal texts may use set phrases that have become memes, but it can be difficult to determine whether they are real citations. Misunderstanding of words and phraseological units is often explained by the fact that the speakers are detached from Soviet reality, including Soviet cultural realia. Soviet people understood them, either from their own experience or from works of literature and art (performances or films). The author may be aware of a quote, but not know its origin and real meaning. In such cases, careful contextual analysis of the utterance is necessary. In addition, the expert must take into account linguistic factors: firstly, a certain quotation is reproduced in a standardized or free form, and secondly, this phrase is rigidly or freely specified according to the rules of syntax. The semantics of some words can be understood only after reference to dictionaries, but there can be no certainty that the author of the text meant this. Many words are polysemantic, and their true meaning is not always shown in the context.

Key words: forensic linguistics, ethnophaulism, abuse, slogan.

В собственной юрислингвистической практике и при изучении чужих экспертиз мы сталкивались с одной серьезной проблемой. В целом ряде случаев трудно бывает определить, насколько осознанно употреблены устойчивые речевые формулы, ставшие мемами. Неясно, являются ли они цитатами, а если являются, то верно ли их понимают авторы текстов, а также знают ли их источник.

Невежество людей, пишущих в интернете, – явление обычное. Следует учитывать фактор, на который, по нашим наблюдениям, эксперты не всегда обращают должное внимание. Эксперты – обычно люди старшего поколения, ориентированные на тезаурус обыкновенного, достаточно просвещенного советского человека. Если эти люди знали определенные слова и выражения не по собственному опыту, то из популярных фильмов или спектаклей, в основном

телевизионных. Но советской культуре сейчас фактически отведено маргинальное положение, постсоветские поколения де-факто почти не интересуются историей, литературой и искусством. Эксперты не всегда осознают, что авторы спорных текстов не знают многих вещей, которые предыдущие поколения считали элементарными и общеизвестными.

Чаще всего мы имеем дело именно с невежеством в точном смысле этого слова. Термины «незнание» или «неосведомленность» зачастую не подходят. Афористичное разграничение этих понятий дает профессор Данкевич в романе Д. Гранина «Иду на грозу»: «Незнание и невежество – вещи разные. Незнание начинается после науки, невежество – до нее».

Наша собственная языковая интуиция не соглашается с таким пониманием этих слов. Мы трактуем их в прямо противоположном ключе. Незнание означает объективное отсутствие знания, которое еще не добыто наукой. Наука чего-то еще не изучила и не открыла. Зато о невежестве говорят тогда, когда знание уже установлено, однако не известно кому-то. Таким образом, скорее незнание существует до науки, а невежество начинается после нее.

Невежество обладает еще одной сущностной характеристикой, которую К. Маркс даже называет демонической силой [Маркс 1955: 112]. Развивая эту тему, Ю. А. Жданов утверждает: «Невежество не просто незнание, это агрессивное самоутверждение своего незнания (...)» [Жданов 2009: 52].

Кроме того, слова «незнание» и «неосведомленность» означают, что человеку не известны отдельные факты, детали и т. п., но он может без труда восполнить эти пробелы. А для невежества в актуальном для нас смысле характерны две черты: во-первых, незнание целых пластов действительности – обычно это относится к культуре, т. е. это понятие системное; во-вторых, для людей старших поколений эти культурные знания были общеизвестны.

(Мы могли бы отвлечься от темы и привести многочисленные примеры, немислимые в советские времена. Ограничимся одним случаем, впрочем, весьма типичным. В нескольких телепередачах, где речь заходила о так называемом «плане Даллеса», текст которого сейчас запрещен в РФ, нам доводилось слышать объяснение, будто он взят из романа Анатолия Иванова «Вечный зов», где его в самом деле озвучивает Лахновский. Но не это главное. «Комментаторы» «объясняли», что «Вечный зов» – это советский шпионский роман. То есть выросли постсоветские поколения, понятия не имеющие не только о бестселлере Иванова, но и о знаменитом телесериале.)

Весьма распространены ситуации, когда подлинное происхождение популярных лозунгов не известно говорящим. Проиллюстрируем это для удобства примерами из художественной литературы.

«– Придется, придется, – ответил Корейко с усмешкой. (...) – А-а-а! Есть! Готово! “В борьбе обретешь ты право свое”?

– Да, – разочарованно протянул старик, – как это вы так быстро угадали? (...)

– (...) А для чего вы этот ребус приготовили? Для печати?

– Для печати.

– И совершенно напрасно, – сказал Корейко (...). – “В борьбе обретешь ты право свое” – это эсеровский лозунг. (Курсив везде наш – А. Ф.) Для печати не годится.

– Ах ты боже мой! – застонал старик. – Царица небесная!»

И. Ильф и Е. Петров. Золотой теленок.

Другой пример:

«В образцовой школе имени Бебеля Гоша без всяких усилий оказался первым учеником, а когда Гоша заметил, что лозунг “Кто не трудится, тот не ест” принадлежит библейскому апостолу Павлу, обществовед до судорог возненавидел профессорского заморыша и прозвал его мосье Жорж».

С. Антонов. Васька.

Оба эти случая относятся к эпохе радикальной революционной переделки общества. Еще недавно в стране бушевали политические страсти, и в этой накаленной обстановке постоянно мелькали партийные лозунги. Их слышали рядовые обыватели, не разбирающиеся в политике и даже не помнившие, что и по какому поводу произносилось. Но в 1920-30-е гг. происходила идеологическая унификация, и употребление несоветских лозунгов становилось крамоллой. Библейские аллюзии («Кто не работает, тот не ест», «метать бисер перед свиньями», «сучок в чужом глазу и бревно в своем» и др.) могли употребляться, но без указаний на их происхождение, как «народная мудрость».

В наше время наиболее актуальным, разумеется, стало воспроизведение бандеровского слогана «– Слава Украине! – Героям слава!». В нашей практике он только один раз встретился в таком виде: как две реплики «приветствие – отзыв» именно с таким порядком слов.

Структура «приветствие – отзыв» или просто двойная структура с повторением может не быть связана с фашистским лозунгом, например:

«– Слава героям, слава Кубани! – по заведенному местному обычаю приветствовал Костогрыз часовых на крыльце» [В. Лихоносов. Ненаписанные воспоминания. Наш маленький Париж. Ч. 1-2 (1983)] [НКРЯ].

Лозунг «Слава героям!», взятый отдельно, не производит никакого отрицательного впечатления:

«Слава героям, борцам за Советскую власть, красным защитникам трудовой России» (Д. А. Фурманов. На Черном Ереке) (1920);

«Слава героям, сумевшим, несмотря на все преграды природы, добиться такого блестящего успеха. [Алексей Стаханов. Слава героям / «Вечерняя Москва», 1938].

«Торжественно, тепло звучит по радио голос Левитана: “Вечная слава героям, павшим в боях за независимость нашей Родины!”» [Н. С. Покровская. Дневник русской женщины. 1929-1945 гг. (1943)] и даже:

«Именно эта мысль привела меня к тому, чтобы перефразировать известную фразу из “Обыкновенного чуда” Е. Шварца: “*Слава героям, которые осмеливаются управлять, зная, что конца этому не будет никогда*”» [Анастасия Чанько. *Слава героям, которые осмеливаются управлять, зная, что конца этому не будет никогда* / Coach, 2008] [НКРЯ].

Оборот «*Слава героям!*» – формула, которая является жесткой, устойчивой и употребляется в самых разных контекстах – например, в таком:

«*Слава, Слава, Слава героям!!!*

Впрочем,

им

довольно воздали дани.

Теперь

поговорим

о дряни»

В. В. Маяковский. О дряни.

Первая реплика является откровенным лозунгом, но – заведомо не относящимся ни к каким оуновским (бандеровским) реалиям. Она имеет негативную окраску, но это раздражение автора по поводу ее клишированности. Маяковский заявляет: «Хватит говорить о героическом военном прошлом, поговорим о пороках мирного времени».

Лозунг «*Слава героям!*» совершенно стереотипен, автономен и не привязан ни к какому определенному контексту.

При инвертированном порядке слов – «*Героям слава!*» – возникают ассоциации с оуновским лозунгом.

Однако и это не обязательно, если высказывание не имеет стереотипной формы лозунга – например: «В нашей жизни встречаются скромные, но истинные герои. *Им слава*». Актуальное членение, логическое ударение диктует инвертированный порядок слов: *им слава*, а не *слава им*, а в эту формулу подставляется оборот «*Героям слава*», который, однако, не имеет отношения к бандеровскому лозунгу.

В Советском Союзе критик, прочитав повесть В. Василевской «Радуга» или посмотрев фильм М. Донского, мог бы написать, что ему хочется воскликнуть: «*Слава Украине! Слава ее героям!*», не вкладывая в это никакого националистического и профашистского смысла. Повесть и фильм воспевают героизм украинских крестьян, сопротивляющихся гитлеровским оккупантам – сначала нравственно, а потом поднимающих восстание. С большой вероятностью можно предположить, что редактор все равно вычеркнул бы эти слова из-за их созвучия, пусть даже непреднамеренного, бандеровскому лозунгу, однако автор и редактор могли об этом и не знать, поскольку советская пропаганда не воспроизводила вражеских слоганов, не «просвещала» людей в таких вопросах.

(Иное дело – телесериал «Государственная граница», снимавшийся в течение всех 1980-х гг. Из него зрители почерпнули весьма нетривиальную для той эпохи информацию – например, белогвардейские стихи: «Молитву» С. Бехтеева, «Лебединый стан» М. Цветаевой. В части 6 «За порогом победы», сюжет которой основан на борьбе пограничников с бандеровцами, советские зрители услышали и лозунг «– *Слава Украине! – Героям слава!*», который большинству из них ранее известен не был.)

Конечно, в наше время большинство людей воздержатся от публичного произнесения или написания слоганов «*Героям слава!*» или хотя бы «*Слава героям!*», даже без намерения одобрить и прославить украинский национализм. Когда мы видим или слышим такие лозунги, коммуникативные намерения пишущего/говорящего часто бывают вполне ясны. Однако возникают серьезные проблемы с доказательствами.

Когда в тексте, предлагаемом для экспертизы, встречаются спорные формулировки, эксперту следует обращать внимание на следующие моменты:

а) употребляются ли эти формулировки в контексте, связанном с украинским национализмом, а не с действительно славными страницами украинской истории и достижениями украинского народа;

б) насколько стандартизирована форма этих высказываний; чем является высказывание – клише или свободной речью;

в) если это свободная речь, возможны ли иные грамматические формы, жестко или свободно они заданы синтаксической системой.

Обратимся к еще одному использованию стереотипа, однако явно невежественному. Ситуация связана с этнофолизмом, т. е. оскорблением по национальному признаку [Грищенко, Николина 2006; Коробкова 2009] и, соответственно, употреблением этнонима в уничижительной функции. «Для отрицательной оценки часто используются альтернативные по отношению к нейтральным номинации национальностей и групп национальностей (...)» [Баранов 2009: 458].

В таких случаях говорящий (пишущий) осознаёт их незаконность. Однако положение иногда осложняется.

Суть конфликтной ситуации состоит в следующем. Некто считает свою ненавистную соседку немкой и в ходе бытовых скандалов называет ее «*немецкой подстилкой*». К сексу это не имеет никакого отношения, скандалы происходят по другим поводам. Подстилка, т. е. развратница, – это просто оскорбление. Соседу известны стереотипные выражения *немецкая шлюха, немецкая подстилка* и т. п., но настоящий смысл их, видимо, уже непонятен. *Немецкая* в данном случае означает: для немецких оккупантов.

«– Нет, любила немца, забеременела от него.

И вдруг из темного угла:

– *Немецкая подстилка!*

Промолчала, как будто не слышала».

«– Да, – вздохнула и я. – Высокая плата за измену.

– Заткнись ты, – крикнул Петро, – дешевка! *Немецкая шлюха!* Где ты вчера шлялась? С начальником выпивала?»

Р. Нахапетов. Влюбленный.

Многим памятно другое сочетание – *немецкая овчарка* из пьесы А. Салынского «Барабанщица». (Так жители только что освобожденного от фашистов города называют героиню пьесы Нилу Снижко, считая ее предательницей, тогда как на самом деле она – советская разведчица. См.:

«**САШКА**. Даю! Честное пионерское, не буду камнями бить *немецкую овчарку* Нилку Снижко. Гранату в нее брошу!»)

Во всех подобных случаях речь идет о русских женщинах, пошедших на службу к врагам. Когда же сосед именует женщину «*немецкой подстилкой*», он хочет сказать: ты немка и ты ведешь себя отвратительно (семантика «ты развратница» здесь отсутствует, словечко *подстилка* употребляется условно, просто как ругательство). То есть он употребляет выражение *немецкая подстилка* не по назначению.

В одном лингвокриминальном тексте говорилось об иммигрантах, занимающихся неквалифицированным и низкооплачиваемым трудом: работающих, в частности, дворниками. Само по себе это не является поводом к *неприятности*, потому что вряд ли вызывает зависть и желание конкуренции, но может быть поводом к *выражению неприятия*, как в данном случае. В контексте диалога создается негативная установка: эти «гастарбайтеры» ничего не могут делать, даже чистить снег с соблюдением элементарных правил безопасности.

Для большего подчеркивания инородного колорита в тексте был приведен мем из фильма «Джентльмены удачи» А. Серого – «*Снег башка попадет*». Как ни странно, это реплика обаятельного и позитивного персонажа – Василия Алибабаевича, которая (реплика) в этом контексте, по-видимому, тоже приобретает негативный оттенок (подчеркивание безграмотности), тогда как в фильме это просто веселая и по-своему трогательная фраза.

Иными словами, мем не работает. Учитывая, что он относится к культовому советскому фильму, это довольно тревожный симптом. Старое советское искусство забывается или предстает в искаженном виде.

Некто сообщает в чате, что он «*уработал*» нескольких кавказцев.

Попробуем рассмотреть семантический объем лексики *уработать*.

Слова «*уработал*» нет в словарях Д. Н. Ушакова и С. И. Ожегова, а также в БАС.

В словаре В. И. Даля его нет. Есть другое:

УРАБИТЬ кого, арх. в горелках, в тройке и др. хороводных играх: почкать, запятнать, засалить, поймать или ударить [Даль].

Однако это слово здесь не подходит, потому что относится к игре.

То есть для литературного языка оно, видимо, не характерно.

Известен сленгизм *уработать*:

Уработать — одержать победу физически или морально

[Словарь молодежного сленга].

Однако в словаре молодежного жаргона М. А. Грачева эта лексема отсутствует.

Зато в общенародном русском языке встречается ее вульгарный синоним *уделать*:

УДЕЛАТЬ, -аю, -аешь; **св.** что. (...) **3.** Разг.-сниж. Сильно избивать. Сильно у. кого-л. Кто тебя так уделал?(...) [Кузнецов 1998].

Но у этого словечка может быть и значение «уничтожить»: «*Буду я самым последним пижоном, если хотя б одну б... не уделаю*» (подобью, уничтожу хотя бы один фашистский танк) (фильм «Аты-баты, шли солдаты») (цитируем по памяти).

Существует также сленгизм *сделать* в значении:

СДЕЛАТЬ, -ю, -ешь, **сов.** Выиграть, победить. *Я обязательно сделаю всех на городе!* (Зап. 1998) [Грачев 2007: 483].

Есть, однако, и более агрессивное значение: *уничтожить*. (Например, в фильме «Львиная доля» А. Муратова: «Командор, я тебя *сделал!*», т. е. застрелил. Это говорит своему бывшему командиру его ученик-предатель, отсюда такой восторг: «Я превзошел учителя!»)

И, конечно, широко употребителен синоним *отделать*:

ОТДЕЛАТЬ, -аю, -аешь; отделанный; -лан, -а, -о; **св.** (...) **4.** кого-что (чем). Разг.-сниж. Дать нагоняй кому-л., выругать. кого-л.; избить, отколотить кого-л. *О. мальчишку за хулиганский поступок. О. вора палкой. О. так, что ни встать, ни сесть* (сильно избить) [Кузнецов 1998].

Все они относятся к результативному [Мстиславский 1981: 178] способу глагольного действия, т. е. означают результат, причем с оттенками преодоления сопротивления (срав.: *уговорить, уломать*) и доведения до несостоятельности, невозможности действовать (*Укатали сивку крутые горки* и т. п.).

Обратимся к материалам НКРЯ, где таких примеров с лексемой *уработать* мало.

«Да не стало интеллигенции (...), *уработала* ее власть» [Владислав Быков, Ольга Деркач. Книга века (2000)] – т. е. уничтожила, свела на нет.

В значении «избить»:

«(...) испугалась Виктория. – Что значит “повалить”? – Ну, *уработать*, блин, – пояснил Топорик. – Враги-то у тебя есть? – Какие враги?» [Ирина Муравьева. Документальные съемки (1997-1998)].

Итак, словечко *уработать* может иметь значения «избить» или «уничтожить». Нет гарантии, понимают ли те, кто его употребляют, его смысл, а это отнюдь не мелкий вопрос: только избить или лишить жизни.

Автору этих строк неоднократно приходилось комментировать оскорбления со словом *гнида*, причем мы обратили внимание на то, что оно не всегда употребляется в одном и том же смысле. Этот довольно тонкий момент обычно игнорируется, но отражен в Словаре Т. Ф. Ефремовой:

гнида 1. ж. Яйцо вши.

2. м. и ж.

1) разг.-сниж. Ничтожный человек.

2) Употр. как бранное слово, которым обзывают такого человека [Ефремова 2000].

Значение «ничтожный человек», не бранное, а разговорно-сниженное, наблюдается, например, в фильме «Сталкер».

«ПИСАТЕЛЬ. Да замолчи! Я же тебя насквозь вижу! Плевать ты хотел на людей! Ты же деньги зарабатываешь на нашей... тоске! Да не в деньгах даже дело. Ты же здесь наслаждаешься, ты же здесь царь и Бог, ты, *лицемерная гнида*, решаешь, кому жить, а кому умереть. Он еще выбирает, решает!»

И другой фрагмент:

«СТАЛКЕР. (...) Да, вы правы, я – *гнида*, я ничего не сделал в этом мире и ничего не могу здесь сделать... Я и жене не смог ничего дать! И друзей у меня нет и быть не может, но моего вы у меня не отнимайте! (...) Я ведь привожу сюда таких же, как я, несчастных, замученных. Им... Им не на что больше надеяться! А я могу! Понимаете, я могу им помочь! *Никто им помочь не может, а я – гнида (кричит), я, гнида, – могу!*»

Здесь не брань, а скорее пейоративная характеристика [Карасик 2002: 256]. Один говорит о ничтожестве другого, а другой соглашается. Впрочем, в любом случае эта характеристика крайне оскорбительна, судя по реакции сталкера. Но учитывать этот смысловой оттенок все же необходимо.

Таким образом, для корректной экспертизы часто бывает нужна лингвопрагматика [Винокур 1993; Searle 1965]. Во всех случаях, когда возможно определить, понимает ли говорящий/пишущий точный смысл употребляемых слов и оборотов (например, скандалист, называющий соседку «немецкой подстилкой», явно не понимает это выражение) и обосновать свою точку зрения, это следует делать. Учет иллокутивного фактора невежества/незнания/непонимания не обязательно снимает с говорящего/пишущего вину или уменьшает ее (даже при непонимании слов (например, оскорбления часто остаются оскорблениями – правда, при этом нередко меняется их содержание), но в любом случае необходимо восстанавливать подлинную картину его речевых действий.

Литература

Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста. 2-е изд. М., 2009.

Большой толковый словарь русского языка. / Гл. ред. С. А. Кузнецов. – Первое издание: СПб., 1998. – Публикуется в авторской редакции 2014 года. URL: <http://gramota.ru/slovari/>.

Винокур Т. Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения. М., 1993.

Грачев М. А. Словарь современного молодежного жаргона. М., 2007.

Грищенко А. И., Николина Н. А. Экспрессивные этнонимы как приметы языка вражды / Отв. ред. И. Т. Вепрева, Н. А. Купина, О. А. Михайлова. Язык вражды и язык согласия в социокультурном контексте современности. – Екатеринбург, 2006.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. URL: <http://slovardalya.ru/>

Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М., 2000. URL: <http://traduko.lib.ru>.

Жданов Ю. А. Избранное: в 3 т. Ростов-н/Д., 2009. Т. 2.

Карасик В. И. Язык социального статуса. М., 2002.

Коробкова О. С. Маркеры языка вражды в номинациях этнической принадлежности: социолингвистический аспект / Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. – 2009. – № 111.

Маркс К. Передовица в №179 «Kölnische Zeitung» / Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Изд. 2. – М., 1955. – Т. 1. – С. 93-113.

Милославский И. Г. Морфологические категории современного русского языка. М., 1981.

Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/new/>

Словарь молодежного сленга. URL: <https://teenslang.su/id/1912>

Searle J. R. What is a speech act? / Philosophy in America / ed. Max Black. London, 1965. – P. 221-239.

References

Baranov, A. N. (2009). Linguistic examination of the text. Moscow (in Russian).

Dal, V. I. Explanatory dictionary of the living Great Russian language. Available from: <http://slovardalya.ru/> (in Russian).

Dictionary of youth slang. Available from: <https://teenslang.su/id/1912> (in Russian).

Efremova, T. F. (2000). New Dictionary of the Russian Language. Explanatory derivational. Moscow. Available from: <http://traduko.lib.ru>. (in Russian).

Grachev, M. A. (2007). Dictionary of modern youth jargon. Moscow (in Russian).

Grishchenko, A. I., Nikolina, N. A. (2006). Expressive ethnonyms as signs of hate speech / Ed. ed. I. T. Vepрева, N. A. Kupina, O. A. Mikhailova. The language of enmity and the language of agreement in the socio-cultural context of modernity.

Yekaterinburg, 175-187 (in Russian).

-
- Karasik, V. I. (2002). The language of social status. Moscow (in Russian).
- Korobkova, O. S. (2009). Markers of hate speech in the nominations of ethnicity: a sociolinguistic aspect / Izv. Ros. state ped. un-ta im. A. I. Herzen. No. 111 (in Russian).
- Large explanatory dictionary of the Russian language (1998). / Ch. ed. S. A. Kuznetsov. First edition: St. Petersburg. Published in the author's edition in 2014. Available from: <http://gramota.ru/slovari/> (in Russian).
- Marx, K. (1955). Editorial in No. 179 of "Kölnische Zeitung" / Marx K., Engels F. Op. Ed. 2. Moscow, 1, 93-113 (in Russian).
- Miloslavsky, I. G. (1981). Morphological categories of the modern Russian language. Moscow (in Russian).
- National corpus of the Russian language. Available from: <https://ruscorpora.ru/new/> (in Russian).
- Searle, J. R. (1965). What is a speech act? Philosophy in America / ed. Max Black. London, 221-239 (in English).
- Vinokur, T. G. (1993). Speaking and listening. Variants of speech behavior. Moscow (in Russian).
- Zhdanov, Yu. A. (2009). Selected works: in 3 volumes. Rostov-on-D. Vol. 2. (in Russian).
-

Citation:

Флоря А.В. Учет фактора невежества в лингвокриминальных текстах // Юрислингвистика. – 2023. – 30. – С. 89-94.

Florya A.V. (2023) Considering the Factor of Ignorance in Linguo-Criminal Texts. Legal Linguistics, 30, 89-94.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License
